Поступь истории
(о цикле стихов Кайсына Кулиева «Половецкая луна»)

Объясняя свое внимание к далекому прошлому в цикле стихов «Половецкая луна», Кулиев писал в 1974 году в журнале «Аврора»: «Это один из самых сложных моих циклов... Сложность заключается в том, что я обратился к истории, к своим предкам, к половцам» (№ 10). Действительно, «Половецкая луна» уводит нас в даль XI—XII веков, но это не историческое произведение в строгом смысле слова. Здесь нет ни конкретных исторических лиц, ни описания реальных событий, ни воссоздания целостной картины далекой эпохи, когда печенегов сменили в причерноморских степях новые азиатские кочевники — половцы. Не это было целью автора.

Художественное мышление поэта углублялось в столь давние времена для того, чтобы через опыт осознанного историзма обрести высоту, с которой видны настоящее и будущее («Лишь то в потомках оживает внове, что в предках утвердилось глубоко»). Поэтическая мысль, прозревающая суть исторического события, является стержнем цикла стихов «Половецкая луна» и выражает себя через авторское «я». Форма первого лица наиболее соответствует идее произведения — гуманистической озабоченности судьбами отдельных людей и человечества в целом.

Стремление запечатлеть с позиции гражданина XX столетия исторические формы бытия воинственных предков породило некоторую условность литературного выражения (монолог воина-кочевника, введение образа автора-персонажа, автора-повествователя). Прибегая к форме своеобразной исповеди лирического героя, носителя определенных черт национального характера, поэт почти все содержание семи частей, объединенных единством замысла, но лишенных сюжетно-событийных ситуаций, свел к размышлениям умирающего воина. У этого человека появилась душевная потребность в «горькой правде»: ведь он своей жизнью измерил дороги истории, по собственному опыту знает многолетнюю борьбу половцев с соседними русскими княжествами. Все было в этой борьбе: и победоносные походы русских князей в половецкие степи, и набеги кочевников, и даже временный союз тех и других во время феодальных раздоров.

Но не о мужестве, отваге, воинской доблести думал умирающий, глядя на кровавый лик луны. Он вспоминал походы половецких ханов, в которых участвовали десятки тысяч

воинов, несших гибель и разрушение пограничным землям:

Вы неслись по земле черной бурей пустынь,
В дикой страсти своим разрушениям рады.
Наслаждались пожаром прекрасных святынь,
Вы не знали в кровавом разгуле пощады.

Перевел М. Дудин

Сила, враждебная духовности, противостоящая гуманизму, страшна и опустошительна. В многовековой истории человечества можно найти немало трагических подтверждений этому...

Дикая жестокость — свойство не только психологии кочевников, но их сознания, порожденное уверенностью в величии совершаемого:

Он был в своей уверенности слеп.
Пожар и кровь — его судьбы дорога.
Он не растил и не лелеял хлеб
И острый меч считал превыше бога.

Эта мрачная трагедия человеческого бытия — свидетельство тому, что на земле не было и нет народов с «легкой историей». Каждому выпадали на долю испытания, нередко — жестокие, разрушительные войны. Половцы пережили свою долю, обрели свой исторический опыт. Возможно, это и заставило автора «Половецкой луны» в новом идейно-эстетическом аспекте взглянуть на их судьбу в ее обусловленности временем. Обращаясь к началу начал жизни народа.

Кулиев утверждал:

Ваша жизнь — судьбы моей исток.
И мне нести свою по жизни ношу.
Но я не буду к прошлому жесток
И камень в это прошлое не брошу.

Беседуя со своими воинственными предками, лирический повествователь судит их за то, что послушные ханам, они несли только смерть и разрушение: «И все живое превращая в прах, чего же вы оставили потомкам?» В этом вопросе таилось утверждение простой истины — люди должны не разрушать, а созидать и передавать из поколения в поколение сокровища материальной и духовной культуры. Именно поэтому неистовая жажда разрушения обрекла на творческое бесплодие целый народ.

Отвечайте мне, предки, чем память жива,
Где плоды ваших рук, торжество урожая,
И каких откровений высоких слова
Вы оставили миру, столетья сближая?

В философском плане Кулиев принимал жизнь как перспективу творчества, ибо культура каждого народа включает в себя компоненты духовного развития всего человечества. Кочевники же почти ничего не дали будущему народов Восточной Европы.

Где он, вашим стараньем построенный кров?
Где они, мастеров и строителей вехи?
Или только одна лишь пролитая кровь
На косматом пожарище ради утехи?

Поэт отдавал должное отваге закаленных в боях воинов, их мужественному презрению к смерти:

Мой предок, закаленный на войне,
Считая храбрость выше всяких правил,
Сидел, как тигр, на бешеном коне,
И злую гибель ни во что не ставил.

Д.ф.н. Эфендиев Ф.С. Эфендиева Т.Е.